

Научная статья

УДК 745/749

DOI: 10.36871/hon.202402164

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ТЮРКСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ

Жанерке Наурызбаевна Шайгозова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая
050010, Республика Казахстан, Алматы, проспект Достык, 13

Zanna_73@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8167-7598

Мировая культура знает различные системы исчисления времени, одна из сложнейших — двенадцатилетний животный цикл (тенгрианский календарь), позволивший упорядочить бытиеномада, сформировать глобальное по значимости умение жить в едином ритме и гармонии со временем и пространством. Любой календарь во всех своих этнокультурных видах не только «времяизмерительный прибор», но и гораздо более широкий и объемный культурный феномен. В настоящей статье раскрывается проблематика отражения образа времени и пространства в тюркском декоративно-прикладном искусстве, в частности в орнаменте. Уже неоспорим тезис о том, что пространственно-временная картина в искусстве представляется и в символическом контексте. Этот контекст может выражаться в самых разных образах: геометрических, зооморфных, растительных и даже антропоморфных. Фокус настоящей статьи направлен на осмысление животных образов тенгрианского календаря и их отражение в казахской орнаментальной системе. Вместе с тем автор далек от мысли видеть во всех образцах традиционного декоративно-прикладного искусства воспроизведение народного календаря, но некоторые его отголоски проявляются столь активно, что их трудно игнорировать. В статье уточнены традиционные у казахов названия годов тенгрианского календаря, а также представлены некоторые аспекты осмысления образов животных в орнаментальной системе¹.

Ключевые слова: образ, время, пространство, декоративно-прикладное искусство, тюрки, казахи, образы животных и птиц

Финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP23488164 «Традиционное и современное искусство Казахстана в фокусе визуальных исследований: иконография, семиотика и дискурс».

¹ Данная статья продолжает исследования, начатые автором ранее, см. статью «Архетипические сюжеты и образы художественной вышивки Казахстана XXI века» // Художественное образование и наука. 2024. № 1 (38). С. 164–173.

Для цитирования: Шайгозова Ж. Н. Образ времени и пространства в тюркском традиционном декоративном искусстве // *Художественное образование и наука*. 2024. № 2 (39). С. 164–174. <https://doi.org/10.36871/hon.202402164>

Original article

THE IMAGE OF TIME AND SPACE IN TURKIC TRADITIONAL DECORATIVE ART

Zhanerke N. Shaygozova

Abai Kazakh National Pedagogical University
13 Dostyk Ave., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

Zanna_73@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8167-7598

The world culture knows various systems of time calculation, and one of the most complex is the 12-year animal cycle (the Tengrian calendar), which has allowed to order the nomad's existence, to form a globally important ability to live in a single rhythm with time and space. This calendar, like all other ethnocultural calendars, is not only a "time-measuring device", but a much wider and more extensive cultural phenomenon. This article reveals the problems of time and space reflection in Turkic arts and crafts, or rather in ornaments. The thesis that the spatio-temporal picture in art is represented exclusively in a symbolic context is already undeniable. This context can be expressed in a variety of images: geometric, zoomorphic, plant and even anthropomorphic. The article focuses on the comprehension of animal images of the Tengrian calendar and their reflection in the Kazakh ornamental system. At the same time, the author is far from thinking that all samples of traditional arts and crafts reflect the folk calendar, but it is difficult to ignore some of its echoes. Thus, the article clarifies the traditional Kazakh names of the years of the Tengrian calendar, and also presents some aspects of comprehension of animal images in the ornamental system.

Keywords: image, time, space, arts and crafts, Turks, Kazakhs, images of animals and birds

Acknowledgements: the article was prepared within the project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan AP23488164 "Traditional and Contemporary Art of Kazakhstan in the Focus of Visual Studies: Iconography, Semiotics and Discourse".

For citation: Shaygozova Z. N. The Image of Time and Space in Turkic Traditional Decorative Art. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka* [Arts Education and Science]. 2024, no. 2 (39). P. 164–174. <https://doi.org/10.36871/hon.202402164> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ. ОРНАМЕНТ И КАЛЕНДАРЬ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Вопросы реконструкции представлений о счете календарного времени на материалах археологических и этнографических артефактов в рамках разных культур занимают особое место в гуманитарной науке и представляют значительный интерес для развития многих современных исследовательских траекторий, включая этноискусствознание.

В обозначенном ракурсе нам импонирует мнение К. И. Голыгиной о том, что в древности «жрецы-астрономы изобретали символы», а «представление о временных единицах календаря (декаде, сезоне, месяце, времени года, полугодии и годе) передавалось с помощью или рисованных образов (цветов,

животных, деревьев), или устойчивых мотивов геометрического орнамента» [6, 242]. Безусловно, разные культурные пространства формируют собственные системы счисления времени — календари, а отражение единиц времени происходит согласно конкретным целям и задачам.

Календарный счет в орнаменте посуды поздняяковской культуры исследует С. В. Пасынков [17], выявленные им в декоре керамики группы чисел, по мнению ученого, соответствуют периодам движения Луны и Солнца, что указывает не только на использование этих небесных светил в календарных расчетах, но и предполагает «нанесение орнаментов специально назначенными людьми» [там же, 14] или даже наличие у гончара глубоких знаний в области астрономии и геометрии.

Календарный смысл орнамента археологической керамики срубной культуры изучает А. К. Кирилов, исследуя связь геометрических символов и сезонных этапов земледельческого хозяйства древних сообществ [11]. Изображение на керамике, анализируемое А. К. Кириловым, ученый относит к десятилетиям земледельческому календарю и считает, что оно имеет индоиранские корни, «символизирующие циклическую структуру времени и периодическое возрождение Вселенной» [там же, 138].

М. И. Кудин изучает отражение астрономических и календарных символов в орнаменте дольменной культуры Кавказа [12], где календарные узоры на дольменах, по мнению ученого, не что иное, как числа значимых временных периодов.

Л. А. Чиндина и Г. С. Вртанесян изучают календарные характеристики изделий в виде колец и блях с орнаментальной и зооморфной символикой из археологических памятников раннего средневековья Северной Евразии [24]. В процессе исследования ими выявлены разные варианты схемы расчета, к более ранним относятся сидерический лунный счет, кольцевой календарь коми, а также интеркаляционная схема, основанная на числе 13. Ученые убедительно доказывают наличие этих счетных схем, некоторые из них основываются на принципе *pars pro toto* с целью нанесения максимально объемной информации на небольшую поверхность. Однако и тут ученые отмечают: «...исчисление времени всегда имело характер сакрального знания, поэтому его реализация шла чаще всего по пути создания неких схем, доступных лишь узкому кругу посвященных» [там же, 139]. Вероятнее всего, мастера-ремесленники входили в круг посвященных, так как их деятельность практически до этнографической современности воспринималась носителями как мироустроительная (функция демиургов).

Орнамент как художественный текст и визуальное выражение древнеславянской мифологии исследуется в работе В. А. Рыбакова, где автор на огромном фактологическом материале рассматривает календарную приуроченность сюжетов северорусской вышивки в рамках трех групп: осенние обряды, зимние святки и весенне-летний комплекс [19]. В интересующем нас аспекте ученый выделяет «полную соотносимость большинства сюжетов с обрядами» и «четко различимую календарность вышивок» [там же, 550–551].

С. Г. Батырева, исследуя калмыцкий орнамент как историко-культурный источник, подчеркивает связь группы орнаментальных сюжетов с большими и малыми календарными циклами Центральной Азии. По мнению искусствоведа, орнамент «Сарни зег» — это «изображение диска луны в начале, середине фазы и в полнолунии», а «Лу сег» — символ года дракона, где он изображается с открытой пастью, тогда как закрытая пасть — это «символ месяца дракона, последнего зимнего накануне Белого месяца «Цаһан Сар», знаменующего выход из зимовки и приход весны для кочевника» [1, 138].

Следовательно, поиски ученых в анализируемом направлении, с одной стороны, перспективны, а с другой, — достаточно сложны в силу ряда объективных причин. Однако, как справедливо пишет М. И. Кудин, «нельзя отказываться от попыток научного объяснения» связей и возможной корреляции орнамента и календарных систем [12].

Номады огромной Евразии на одном из этапов истории выбрали Степь в качестве жизненного пространства и научились в ней жить, тем самым предопределив свои традиции и менталитет. Своеобразным сводом «правил жизни» в Степи и знаний о времени стал тенгрианский циклический календарь, который бытовал в среде кочевников вплоть до 1926 года.

В настоящей статье автор стремился сделать обзор и проанализировать осмысление тенгрианского календаря на примере казахской культуры через призму его связи с орнаментом и шире — традиционным декоративно-прикладным искусством.

ТРАДИЦИОННОЕ ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХОВ И ТЕНГРИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Тенгрианский календарь (двенадцатилетний животный цикл) рассматривался в трудах А. Н. Самойлович [20], И. В. Захаровой [8], А. К. Писарчик [18] и многих других. Вкратце суть календаря заключается в летоисчислении не по числам (номерам), а по именам 12 животных, расположенных в определенном порядке [8, 32]. Общее название цикла (12 лет) у казахов — мушел, а образы животных этого календаря, безусловно, восходят к тотемизму, то есть в календаре представлены древнейшие евразийские тотемные знаки-символы.

Насколько нам известно, пока единственным на территории Казахстана тюркским вещественным календарем является уникальный археологический артефакт, названный Т. Н. Сениговой «монетовидным календарем» [21]. Это изделие было обнаружено при раскопках городища Баба-Ата (Казахстан) и представляло собой бронзовый дисковидный предмет в диаметре 3,8 см, по обеим сторонам которого изображена вереница животных. Они расположены в спиралевидном порядке (рис. 1): 1) мышь или крыса, 2) корова или бык, 3) тигр, 4) заяц, 5) дракон, 6) змея, 7) лошадь, 8) баран, 9) обезьяна, 10) курица или петух, 11) собака, 12) свинья или вепрь [там же, 44].

Археолог, опираясь на ряд свидетельств, склонна думать, что предмет имеет автохтонное происхождение и создан не без влияния китайской культуры, особенно в плане изображений образов дракона, обезьяны, курицы и свиньи (кабана), не свойственных мифологии кочевников.

Относительно фигурирования в тенгрианском календаре образа дракона имеют место как минимум две версии. Одна из них исходит из исследований С. Кондыбая о том, что образ дракона — айдахар в тюркской культуре — фигурирует уже на ранних этапах и выражается в известных мифологических и фольклорных данных [13].

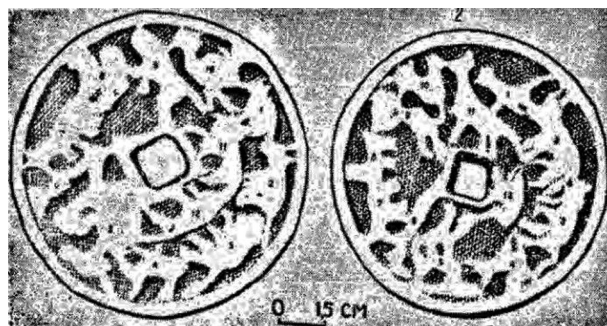

Рис. 1. Монетовидный календарь. Городище Баба-Ата. X–XII век [20]

Напомним, что в известном казахском мифе о птице Самрук и древе Байтерек, имеющем явно астрономическое происхождение, фигурирует дракон Айдахар, каждую ночь поглощающий солнце — день. Другая версия имеет лингвистическую основу и исходит от слова «улу», которое, согласно мнению А. И. Мухамбетовой (на основе материалов М. Исакова), происходит «от исконно тюркских *улы* — великий и *улуы* — воющий. И то, и другое могло быть табуированным обозна-

чением волка, всеобщего тотема тюрко-монгольских племен и народов, присутствие которого в календаре закономерно» [14, 16], что находит подтверждение во многих сферах: фольклоре, геральдике, музыке и декоративно-прикладном искусстве. Причем узоры с «волчьей» тематикой в казахской орнаментальной системе предостаточно. Вероятнее всего, год Дракона в тенгрианском календаре — это год Волка/Волчицы.

Относительно года Обезьяны (казахское «маймыл») А. И. Мухамбетова считает его более поздним обозначением и склонна рассматривать это название как «мешін» (казахское «үркер») — созвездие Плеяд (от монгольского обозначения «мечит», позже закрепившегося как «звезда») [14]. Здесь, конечно же, возникает правомерный вопрос: почему в животном календаре присутствуют Плеяды? А. И. Мухамбетова объясняет это так: появление в календаре созвездия Мешін-Уркер не случайно. Это созвездие чрезвычайно важное в жизни кочевников, оно выполняло функции членения годового круга на дни и месяцы [там же, 18]. Не отрицая зависимость кочевого уклада от Плеяд, ученые М. М. Содномпилова и Б. З. Нанзатов, ссылаясь на мнение этнологов и лингвистов, отмечают, что, скорее всего, произошло простое замещение терминов бичин (монгольское — обезьяна) и мичин в силу их созвучия [22]. Однако «дискуссия о появлении года обезьяны в двенадцатилетнем животном календаре все еще не завершена» [там же, 167].

Вместе с тем исследователи выдвигают гипотезу о том, что «одно из названий года Обезьяны — маймул — в казахском и киргизском вариантах календаря может являть собой реплику шумерского названия Плеяд» — *MUL.MUL*, что в переводе с аккадского языка означает «шерсть» (на загривке быка). Под быком в данном случае подразумевалось созвездие Тельца [22, 168]. Таким образом, специалисты в большей степени склонны рассматривать год Обезьяны как год Плеяд (мешін) в связке со звездным «Тельцом» (астрологический сюжет «спор о времени»).

Тауық — в буквальном переводе «курица», по мнению А. И. Мухамбетовой, следует рассматривать в общем контексте «птица», так как этим термином в тюркских языках обозначается не только курица, но и самка диких водоплавающих птиц с гребешком [14]. Чаще всего это самки фазана и куропаток. Если вспомнить особое отношение в тюркской культуре к водоплавающим птицам (они мо-

гут плавать, летать и ходить, то есть им покояются три уровня мироздания) и к птицам вообще (покорителям небес), то появление их в календаре вполне обосновано.

Относительно года Свиньи/Кабана/Веоря также, вероятно, произошло замещение символа. И. В. Захарова отмечает, что этот год в старину казахи называли «кара киік» (в переводе «черная антилопа» — сайгак) [8]. Аналогичное название этого года встречается у туркмен, узбеков и других тюркоязычных народов. К сайгакам у кочевников было трепетное отношение, их образ по сей день воспринимается как зоосимвол степи. Лексема «кара» в данном случае демонстрирует не окрас животного, а его сакральность/священность по примеру «кара шаньрак» (отцовский дом).

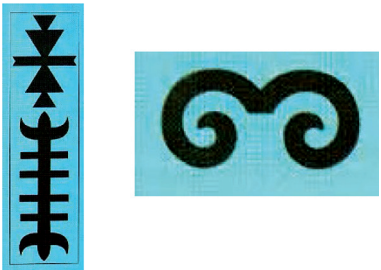
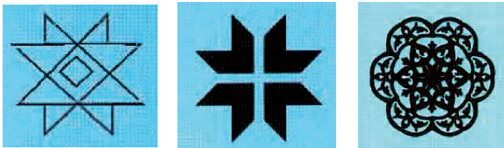

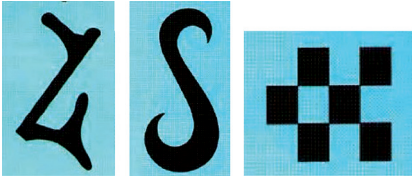
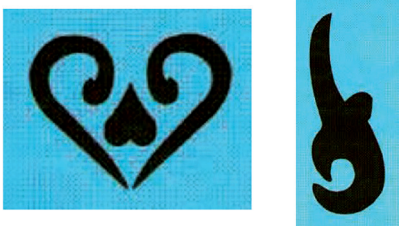
Рассмотренные выше вопросы позволяют нам внести некоторые уточнения в разработанную А. И. Мухамбетовой таблицу [14]. В таблице представлена корреляция тенгрианского календаря и казахских узоров, дополненная нами по сравнению с первоначальной версией. Графические виды узоров заимствованы нами из работы известного исследователя казахского орнамента С. Касиманова [10]. А. И. Мухамбетова, ссылаясь на мнение известных архитекторов-реставраторов Тимура и Натальи Турекуловых, правомерно отмечает, что казахские орнаменты и названия годов животных имеют «слишком много совпадений для того, чтобы отвергать то, что перед нами символы зодиакальных созвездий» [14].

Таблица

Тенгрианский календарь и казахские узоры

Название года	Название узоров	Графический вид
Тышқан — мышь	Тышқан ізі — след мыши или мышиный след	
Сиыр/бұқа — корова или бык	Сиыр мүйіз — коровьи рога и другие рогообразные узоры	
Барыс — барс	Жолбарыс тырнақ — коготь тигра/барса	
Қоян — заяц	Қоян құлақ — заячьи уши	
Ұлу — волк/волчица — қасқыр («великий воющий»)	Бөрі бас — голова волка, бөрі құлақ — волчьи уши, бөрі табан — след волчонка	
Жылан — змея	Жылан — змея, жылан бас — змеиная голова, жылан бауыр — змеиное брюхо	
Жылқы — лошадь	Жылқы тұяқ — копыто лошади, атбас — голова лошади, ат құлақ — лошадиные уши	

Продолжение таблицы

Название года	Название узоров	Графический вид
Қой — овца	Қой омыртқа — позвонок овцы, кошкар мүйіз — рог барана	
Мешін — пляяды	Үркергул — цветок в виде пляяды, жұлдыз — звезда, жұлдыз гүл, жұлдызша	
Тауық — птица	Құс тұмсық — клюв птицы, құс қанат — крыло птицы, құс із — птичий след, құс бейне — образ птицы и многие другие «птичьи мотивы»	
Ит — собака	Итқұйрық — хвост собаки, иттабан — след собаки, итемшек — собачьи соски	
Қара киік — черная антилопа (вероятно, более поздняя версия доңыз — кабан / свинья)	Прямых аналогов нами не обнаружено. К этому знаку-символу зодикальных созвездий вероятнее всего относится многочисленными рогообразные узоры	

В свою очередь, философ К. Нурланова пишет: «...глубокий внутренний смысл этих орнаментальных мотивов в том, что они отражают художественное познание мира в его временных и пространственных измерениях. <...> Они символически отражают движение времени и космоса, передают чувство великого пути Вселенной и человека» [16, 231].

Год Мыши в календаре — первое тому объяснение. Он встречается в известной тюркской легенде о процессе распределения в Тенгри переодичности годов, где мышь благодаря своей изворотливости оказалась первой в веренице животных. Однако в представленной переодичности заложен другой, более глубокий смысл, основанный на традицион-

ных астрономических знаниях тюрко-монгольских народов. Не будем останавливаться на этом вопросе детально, так как фокус нашей статьи сосредоточен на связи казахского орнамента и тенгрианского календаря.

Образ мыши в тюркской культуре в большинстве случаев имеет негативную окраску, так как она, по мнению В. А. Бурнакова, связана с подземным миром, обителью мертвых [3]. Опираясь на традиционные хакасские воззрения, исследователь пишет: мышь не только имела прямое отношение к враждебным духам, но нередко и сама являлась их воплощением [там же, 44]. Как нам представляется, связь мыши с нижним миром предопределила использование узора «мы-

шинный след» на бордюрах самых разнообразных изделий традиционного прикладного искусства, тем самым подчеркивая ее функции медиатора между мирами.

Следующий год — год Коровы/Быка. Ее/его образ в тюркской культуре в своей массе положительный. С образом быка у тюрков связаны легенды и мифы о сотворении мира: считалось, что «Земля держится на трех огромных быках» [4, 64]. У казахов с быком связан обряд, проводимый в дни весеннего равноденствия «бел-көтерер», что в переводе означает «выпрямляющий стан». В один из дней Наурыза резали быка и готовили блюдо под одноименным названием. Люди считали, что мясо быка дает силу после утомительной зимы.

В целом символика быка/коровы в тюркской культуре многогранна и, по мнению В. А. Бурнакова, связана с Луной, Солнцем и Мировым Древом [4]. Однако семантика образа коровы расценивается двояко: с одной стороны, она связана с миром мертвых, потусторонним миром, а с другой стороны, она — кормилица, производительница белого (молока). С коровой в народной астрологии связано наступление холодного сезона, где холод — символ нижнего мира и, соответственно, коровы. Визуальную проекцию этих образов, а более всего быка, мы склонны видеть в многочисленных рогообразных узорах в казахской орнаментальной системе (мүйізде, мүйізді гүл, мүйіз и многих других), которые, как правило, заполняли основное пространство орнаментируемого изделия.

Год Барса, его символика в тюркской культуре исключительно положительная и восходит к скифо-сакской эпохе. Образ барса — священного животного в традиционном искусстве — осмысливался в качестве оберега, поэтому он часто встречается в ювелирных украшениях в виде узора «жолбарыс тырнак» и других узоров. Образ барса четко просматривается и в геральдике.

Четвертый год календаря — год Зайца. Сам образ этого животного у тюркских народов имеет двоякое значение. На примере хакасской культуры В. А. Бурнаков отмечает: заяц имеет мистическую связь с потусторонним миром. Для этой традиции характерна вера в способность зайца к оборотничеству и приписывание ему тесных контактов с обитателями иного мира [5, 29]. Однако заяц ценился в плане своей плодовитости: у казахов находка его черепа называлась «ардша» (счастье), что представлялось как верное

средство, «обеспечивающее рождение детей. Найденный череп мужчины носит при себе на поясе, а обеспеченный достаточным количеством детей хранит его в сундуке; сила “ардша” распространяется и на скот счастливого обладателя находки; скот его получает плодовитость» [23, 273]. Возможно, поэтому мотив «коюн құлак» (заячьи уши) имеет достаточно широкое распространение и, прежде всего, связан с пожеланиями многочисленного потомства. Примечательно, что ханты узор «заячьи уши» использовали при декоре именно детских вещей.

Пятый год — это год самого важного тюркского тотема — Волка/Волчицы, который представлен в огромном многообразии узоров (бөрі бас, бөрі құлак, бөрі табан и др.). Все они имели, прежде всего, охранную функцию.

Следующий год — год Змеи, безусловно, значимого символа тюркской культуры. Ее образ связан с целым комплексом мифологических представлений у казахов и шире — тюрков: от культа змеи-праматери до Жылан-баба (змей-первопредок). Этот образ часто встречается в ювелирном искусстве и других видах прикладного искусства как мощное средство от «сглаза». Отсюда частое использование «змеиных» мотивов на традиционных детских и девичьих шапочках — такия.

Разумеется, излюбленным мотивом казахского прикладного искусства является Конь/Лошадь — альфа и омега номада. Узоры с «лошадиной» тематикой встречаются на многих изделиях: коврах, посуде, мебели и других предметах. Сама по себе лошадь в мифологии тюрков не только священное животное, но и медиатор миров. Абстрактный рисунок подошвы-следа лошади (часть целого) распространен на всей территории кочевого ареала Евразии с древнейших времен, а мотив «тұлпар бас» (голова скакуна) в виде крестовины часто присутствует в коженном искусстве казахов, вернее, на конской амуниции.

В целом следы животных и птиц — излюбленная тематика в орнаментике кочевых народов. Э. Гюль называет их «знаки-следы», которые «можно истолковать как оберег, скрытое от непосвященных присутствие животного-покровителя и, соответственно, защиту с его сторонь» [7, 115].

Самым узнаваемым и популярным визуальным отражением животных тенгрианского календаря является Овца/Баран — символ благодати, фарна — «знак защиты, мужской

силы, потенции» [7, 127]. Он использовался мастерами в декоре многих изделий, а особенно в масштабных размерах на войлочных коврах — сырмаках и текеметах.

Год Плеяд — мешин — отражается в казахском искусстве в виде разнообразных узоров «звездной» тематики, которые фигурируют преимущественно на вышитых, тканых и войлочных коврах, которые в некоторых случаях могут рассматриваться как проекция или панорама звездного неба. «Звездные» узоры обычно помещают на верхних ярусах жилища (купол юрты), ковров, кумбезов (мавзолеев).

Орнитоморфные образы также занимают видное место в прикладном искусстве казахов, символизируя свободу, высоту, полет, Небо. Поэтому они часто встречаются в декоре девичьей и женской одежды. Отметим, что одной из ипостасей тюркской богини Умай является птица, точнее, лебедь.

Одиннадцатый год в тенгрианском календаре значит как год Собаки. В казахской культуре собака относится к сакральным животным, входящим в круг понятия «жеты казына» («семь богатств»), а ее плодовитость предопределила появление специфического обычая — бездетная женщина с целью зачатия ребенка должна была кормить собак в подоле своего платья. Отсюда считалось, что изображение собаки (в виде части целого — узора «хвост собаки», «след собаки» и т. д.), нередко фигурировавшее в декоре текстильных изделий и женской одежде, стимулирует плодородие.

И наконец, двенадцатый год, «Қара киік», по нашему представлению, выражается в самых различных рогообразных узорах. Степная антилопа в тюркской мифологии, несомненно, относится к священным и даже культовым животным. Образ антилопы — киік, по мнению археологов Г. А. Базарбаевой и Г. С. Джумабековой, фигурирует в казахстанском ареале в декоре костюма (головного убора, пояса), оружия, емкостей, конского снаряжения еще со времен искусства раннего железного века [2].

Таков вкратце обзор корреляции казахских орнаментов и тюркского календаря. Более детальное исследование каждого из обозначенных годов в «связке» с конкретными узорами — цель будущих исследований. Однозначно можно утверждать, что фигурирование животных в календаре и искусстве не просто результат плода трудовых усилий кочевника-скотовода, а гораздо более глубо-

кое явление, которое необходимо осмысливать в контексте Времени и Пространства.

В итоге нам хотелось бы остановиться на двух вариантах художественного воплощения тенгрианского календаря. Один из них представлен в исследовании искусствоведа Э. Гюль [7] на примере декора напрамчи (сума) узбеков-лакайцев в виде трехступенчатых ромбов с двенадцатью рогами (рис. 2). Вслед за азербайджанским ковроведом Л. Керимовым ученый склонна рассматривать эту многоступенчатую крестообразную фигуру с рогообразными завитками как символическое изображение тенгрианского календаря — «модель времени, метафору вечности и цикличности» [7, 161] или, иными словами, как «медальон-календарь».

К символике анализируемого напрамчи можно добавить три крупных медальона. Основной сюжет изделия символизирует три уровня Мира, а вписанные внутрь этих медальонов крестообразные фигуры являются знаком Тенгри, признанным многими исследователями, где у каждой фигуры четыре рогообразных завитка, дающие в сумме 12 единиц (годы-животные) [25, 110]. Этот мотив достаточно популярен и в казахском искусстве.

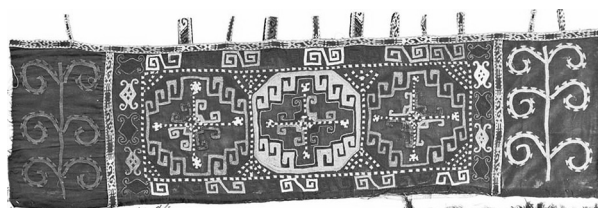

Рис. 2. Напрамчи. Узбеки-лакай [Источник: личный архив Э. Гюль]

Другим визуальным выражением тенгрианского календаря ювелиры называют декор казахского свадебного головного убора — саукеле. На некоторых образцах такого головного убора встречаются «налобные украшения в виде круглых камешков, которые называются “бергек”. Их обязательно должно быть двенадцать — по числу жизненного цикла — мүшел» [9, 18], что можно трактовать как пожелание благополучного проживания мүшел(-ей) как индивидуальных циклов.

ВЫВОДЫ

Время и пространство — две важнейшие и смыслообразующие категории, отражающиеся во многих сферах культуры, вклю-

чая искусство, в частности орнаментальное искусство.

Безусловно, традиционная календарная система кочевников довольно сложная структура. Важным, а порой и главным ресурсом в процессе «узнавания» впечатлений «образа времени» и его генезиса на материалах декоративно-прикладного искусства являются древние рисунки (на скальных изображениях, декор керамики и другие визуальные источники), астральная мифология, фольклорные данные, традиционные знания по астрономии, календарные обряды и ритуалы.

Особенно интересен подход, сформулированный С. Г. Батыревой, — о поиске связей орнаментальных сюжетов с большими и малыми календарными циклами Центральной

Азии на примере кочевой культуры [1]. Как нам представляется, этот подход достаточно перспективен.

Вместе с тем детальное исследование каждого животного образа тюркского календаря на конкретных примерах традиционных изделий разных тюркских этнокультур может расширить познания современников о духовном наследии кочевников Евразии и внести определенный вклад в развитие этно-искусствознания, которое, по словам Л. И. Нехвядович, должно ориентироваться на междисциплинарный синтез для получения многостороннего и целостного изучения этнической специфики искусства [15, 419], включая обозначенный в этой статье ракурс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батырева С. Г. Калмыцкий орнамент как историко-культурный источник // Монголоведение. 2007. № 4. С. 128–143.
2. Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С. Образ антилопы (сайгака) в искусстве раннего железного века Казахстана // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 893–907.
3. Бурнаков В. А. Образ мыши и крота в фольклоре и веровании хакасов (конец XIX – середина XX века) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 2. С. 40–45.
4. Бурнаков В. А. Бык и корова: образы и символы в традиционной культуре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 64–71.
5. Бурнаков В. А. Образ зайца в традиционных представлениях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Этнография. 2021. № 2 (12). С. 29–51.
6. Голыгина И. К. Астрономический календарь в культуре Древнего Китая // Общество и государство в Китае: XXXVIII научная конференция Института востоковедения Российской академии наук. М. : Восточная литература, 2008. С. 241–254.
7. Гюль Э. Ковры Узбекистана. История, эстетика, семантика. Ташкент [б. и.], 2019. 255 с.
8. Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Труды Академии наук КазССР. 1960. Т. 8. С. 32–65.
9. Исабеков Р. Тайны степных зергеров // Караван. 20 июня 2008. № 25 (046). С. 18.
10. Касиманов С. Қазақ халқының кол өнері. Алматы : Қазақстан, 1969. 248 б.
11. Кириллов А. К. Календарный смысл орнамента керамики срубной КИО в свете ведических традиций жертвоприношения // Астрономические методы исследований археоастрономических объектов горной гряды «Сундуки» и других исторических объектов: сборник трудов Второго Всероссийского полевого семинара. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 2017. С. 125–138.
12. Кудин М. И. Отражение астрономических и календарных символов в орнаменте дольменной культуры // Северный Кавказ: искусство в контексте времени: материалы Международной научной конференции (г. Майкоп, 9–11 октября 2015 г.). Майкоп : Графика, 2015. С. 66–72.
13. Кондыбай С. Змея и дракон: значение образа змеи для познания истории предказахов. URL: <https://otuken.kz/chast-vtoraya-zmeya-i-dragon-znachenie-ob/> (дата обращения: 08.01.2024)
14. Мухамбетова А. И. Тенгрианский календарь (мушель) как основа кочевой цивилизации казахов. URL: https://tengrifund.ru/wp-content/library-tengrifund/Tengrianski_kalendar.pdf (дата обращения: 08.01.2024)
15. Нехвядович Л. И. Этноискусствознание как метод изучения этнокультурных традиций в изобразительном искусстве // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 417–419.
16. Нурланова К. Символика мира в традиционном казахском искусстве. Кочевники. Эстетика. Познание мира традиционным казахским искусством. Алматы : Галым, 1993. 264 с.

17. Пасынков С. В. Календарный счет в орнаменте посуды поздняяковской культуры // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сборник научных трудов*. 2001. Т. 2. С. 9–14.
18. Писарчук А. К. Таблицы годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летоисчисления // *Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции*. 1949. Вып. 1. С. 173–181.
19. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. : Академический Проект, 2013. 640 с.
20. Самойлович А. Н. К вопросу о двенадцатилетнем цикле у турецких народов. *Восточные записки*. Т. 1. 1927. С. 147–162.
21. Сенигова Т. Н. Монетовидный календарь // *Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана*. 1961. Т. 12. С. 41–67.
22. Содномпилова М. М., Нанзатов Б.З. Представления о холодном и теплом сезонах в мифологии монгольских и тюркских народов и роль астральных объектов в формировании календарной системы // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 422. С. 166–171.
23. Тохтабаева Ш. Ж. Этикет казахов. Алматы : Дайк-Пресс, 2013. 345 с.
24. Чиндина Л. А., Вртанесян Г. С. Раннесредневековые «календари» Северной Евразии // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 383. С. 138–147.
25. Языки казахской культуры: коллективная монография / под ред. А. Б. Наурызбаевой. Алматы : КазНИИК, 2023. 422 с.

REFERENCES

1. Batyreva S. G. Kalmyk Ornament as a Historical and Cultural Source. *Mongolovedenie [Mongol Studies]*. 2007, no. 4. P. 128–143. (In Russian)
2. Bazarbayeva G. A., Jumabekova G. S. The Image of Antelope (Saiga) in the Early Iron Age Art of Kazakhstan. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Coast]*. 2023, no. 15. P. 893–907. (In Russian)
3. Burnakov V. A. Images of Mice and Moles in Folklore and Khakas Beliefs (late XIXth – mid-XXth centuries). *Gumanitarnye nauki Sibiri [Humanities in Siberia]*. 2020, no. 2. P. 40–45. (In Russian)
4. Burnakov V. A. Bull and Cow: Images and Symbols in the Traditional Culture of the Khakas (late XIXth – mid-XXth centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2018. no. 428. P. 64–71. (In Russian)
5. Burnakov V. A. Images of the Hare in the Traditional Beliefs and Folklore of the Khakas (late XIXth – mid-XXth centuries). *Ethnografiya [Ethnography]*. 2021. no. 2 (12). P. 29–51. (In Russian)
6. Golygina I. K. Astronomical Calendar in the Culture of Ancient China. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China: materials of the XXXVIIIth Scientific Conference of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]*. Moscow, 2008. P. 241–254. (In Russian)
7. Gul' E. Kovry Uzbekistana. Istoriya, estetika, semantika [Carpets of Uzbekistan. History, Aesthetics, Semantics]. Tashkent, 2019. 255 p. (In Russian)
8. Zakharova I. V. Twelve-Year Animal Cycle in the Peoples of Central Asia. *Trudy Akademii nauk KazSSR [Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]*. 1960, vol. 8. P. 32–65. (In Russian)
9. Isabekov R. Secrets of Steppe Zergers. *Gazeta "Karavan" [Karavan newspaper]*. 2008, June 20, no. 25 (046). P. 18. (In Russian)
10. Kasimanov S. Kazak halkynynyn kol oneri [Handicrafts of the Kazakh People.] Almaty, 1969. 248 p. (In Kazakh)
11. Kirillov A. K. Calendar Meaning of the Ornamentation of Srubna KIO Ceramics in the light of Vedic Traditions of Sacrifice. *Astronomicheskie metody issledovaniy arkheoastronomicheskikh ob'ektov gornoj gryady "Sunduki" i drugikh istoricheskikh ob'ektov [Astronomical Methods of Research of Archaeoastronomical Objects of the Mountain Range "Sunduki" and Other Historical Sites: collection of the IInd All-Russian Field Seminar]*. Novosibirsk, 2017. P. 125–138. (In Russian)
12. Kudin M. I. Reflection of Astronomical and Calendar Symbols in the Ornament of Dolmen Culture. *Severnyi Kavkaz: iskusstvo v kontekste vremeni [North Caucasus: Art in the context of Time: materials of the International Scientific Conference (Maikop, October 9–11, 2015)]*. Maikop, 2015. P. 66–72. (In Russian)

13. Kondybay S. Zmeya i drakon: znachenie obraza zmei dlya poznaniya istorii predkazakhov [Snake and Dragon: the Importance of the Image of the Snake for Cognition of the History of Pre-Kazakhs]. (In Russian). Available at: <https://otuken.kz/chast-vtoraya-zmeya-i-dragon-znachenie-ob/> (accessed: 08.01.2024)
14. Mukhambetova A. I. Tengrianskiy kalendar' (mushel') kak osnova kochevoi tsivilizatsii kazakhov [Tengrian Calendar (Mushel) as the Basis of Nomadic Civilisation of Kazakhs]. (In Russian). Available at: https://tengrifund.ru/wp-content/library-tengrifund/Tengrianskiy_kalendar.pdf (accessed: 08.01.2024)
15. Nekhviadovich L. I. Ethno Art Studies as a Method of Studying Ethno-Cultural Traditions in Fine Arts. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education]. 2013. no. 6 (43). P. 417–419. (In Russian)
16. Nurlanova K. Symbolism of the World in Traditional Kazakh Art. *Kochevniki. Estetika: Poznanie mira traditsionnym kazakhskim iskusstvom* [Nomads. Aesthetics: Cognition of the World in Traditional Kazakh Art]. Almaty, 1993. 264 p. (In Russian)
17. Pasyнков S. V. Calendar Counting in the Dish Ornamentation of Pozdnyak Culture. *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Researches on Ryazan Local Lore. Collection of scientific works]. 2001, vol. 2. P. 9–14. (In Russian)
18. Pisarchik A. K. Tables of the Years of the Twelve-Year Animal Cycle with the Corresponding Years of the Modern Chronology. *Materialy Yuzhno-Turkmenskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* [Materials of the South-Turkmen Archaeological Complex Expedition]. 1949, issue 1. P. 173–181. (In Russian)
19. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, 2013. 640 p. (In Russian)
20. Samoylovich A. N. To the Question of the Twelve-Year Cycle in Turkish Peoples. *Vostochnye zapiski* [Oriental Notes]. 1927, vol. 1. P. 147–162. (In Russian)
21. Senigova T. N. Coin Calendar. *Novye materialy po arkheologii i etnografii Kazakhstana* [New Materials on Archeology and Ethnography of Kazakhstan]. 1961, vol. 12. P. 41–67. (In Russian)
22. Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Representations about the Cold and Warm Seasons in the Mythology of Mongolian and Turkic Peoples, and the Role of Astral Objects in the Formation of the Calendar System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2017. no. 422. P. 166–171. (In Russian)
23. Tokhtabaeva Sh. Zh. Etiketa kazakhov [Etiquette of Kazakhs]. Almaty, 2013. 345 p. (In Russian)
24. Chindina L. A., Vrtanesyan G. S. Early Medieval “Calendars” of Northern Eurasia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2014. no. 383. P. 138–147. (In Russian)
25. Naurzabayeva A. B. (ed.) Yazyki kazakhskoi kul'tury [Languages of Kazakh Culture]. Almaty, 2023. 422 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Шайгозова Ж. Н. — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры художественного образования.

Information about the author:

Shaygozova Z. N. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Art Education (Republic of Kazakhstan).

Статья поступила в редакцию 18 января 2024 года; одобрена после рецензирования 29 февраля 2024 года; принята к публикации 4 марта 2024 года.

The article was submitted January 18, 2024; approved after reviewing February 29, 2024, accepted for publication March 4, 2024.

